

6. Dakhno, F.V. and Kutsenko, A.O. (2009), “Assisted reproductive technologies and problems of postmortem (posthumous) reproduction”, *Zhinochiy likar*, no. 2, p. 15, available at: <http://z-1.com.ua/ru/article/281> (access October 03, 2015).

УДК 340.15.8 340.11.5

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И МЕХАНИЗМ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Мингела О.А., аспирант

*Донецкий национальный университет, г. Винница, ул. 600-летия, д. 21, Украина
evilprimarch@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы правореализации как формы юридической практики и правореализационного механизма, предполагающего осуществление права как процесса. Уточняются составные части механизма правореализации в контексте поведения субъектов юридической практики. Определяется различие механизма правореализации и механизма правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая практика, юридическая деятельность, правореализация, правореализационный механизм, правовая норма, мотивация, правосознание.

ЮРИДИЧНА ПРАКТИКА Й МЕХАНІЗМ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРАВА

Мінгела О.А.

*Донецький національний університет, м. Вінниця, вул. 600-річчя, буд. 21, Україна
evilprimarch@rambler.ru*

У статті розглядаються питання реалізації права як форми юридичної практики й механізму реалізації права, що передбачає здійснення права як процесу. Уточнюються складові частини механізму реалізації права в контексті поведінки суб'єктів юридичної практики. Визначається відмінність механізму реалізації права та механізму правового регулювання.

Ключові слова: юридична практика, юридична діяльність, реалізація права, механізм реалізації права, правова норма, мотивація, правосвідомість.

LEGAL PRACTICE AND MECHANISM OF LAW ENFORCEMENT

Mingela O.A.

*Donetsk national university, str. 600-richya, 21, Vinnytsia, Ukraine
evilprimarch@rambler.ru*

This article features issues on exercise of the right as a form of legal practice and mechanism of right exercise, which presumes it as a process. Every subject of legal activity as an element of legal practice is inevitably involved in exercising process while abiding prohibitions, performing the duties, enjoying subjective rights or imperatively settling particular legal cases. Without enforcement of the right, legal practice is bound to be impossible, since it is always associated with the embodiment of relevant legal rules in real life which predefine solutions in the field of law.

A bountiful approach describes legal mechanism of enforcement of law as a complete set of unique instruments which are involved on regular basis in bringing the enforced rules into the working condition, trying to embody all of their content in the regulated public relations, achieving the intended legislative results. With some effort, these levers can be combined into several interconnected units which illustrate the general scheme (model) of law enforcement, forming its own mechanism and contributing to the normal functioning of legal system.

In comparison with the mechanism of legal regulation which includes, as widely known, according to one version, legal rules, legal facts, legal relations; or to the other one (more preferable): legal rules, subjective rights and legal responsibilities, acts of exercising of subjective rights and legal responsibilities, and as well as an optional element, acts of administration of law – mechanism of law enforcement appears to be a broader concept.

It would be appropriate to include into the structure of the mechanism direct regulation of public relations and legal impact on behavior when the law is not enforcing itself, and instead the legal sense (consciousness) of subjects is affected. At the same time, self-regulatory aspect would be common to all types of relationships since it occurs prior to direct relationship and appears as a result of certain expectations and responsibility of the individual or group subject, the general vector of its activities, which can be considered as conformable to law.

Key words: legal practice, legal activities, enforcement of law, mechanism of enforcement of law, legal rule, motivation, legal sense.

Правореализация выполняет, как известно, организующую роль в юридической практике, выступает формой её осуществления. Всякий субъект юридической деятельности как части практики неизбежно вовлекается в процесс правореализации, соблюдая запреты, исполняя обязанности, используя субъективные права, властно решая конкретные юридические дела. Вне реализации права юридическая практика невозможна, поскольку она всегда связана с воплощением в реальную жизнь соответствующих юридических норм, предопределяющих те или иные решения в сфере права.

Отсюда проистекает давний интерес юридической науки к этому весьма значимому правовому явлению. Так, в контексте действия права и аналитической юриспруденции правореализация и её формы исследуются С.С. Алексеевым [1], нравственные критерии реализации обосновываются Н.Н. Онищенко [2], правореализация как процесс характеризуется Ю.С. Решетовым [3], реализацию права в контексте её механизма, практической деятельности субъектов и конечного результата этой деятельности рассматривает Ю.П. Пацуркинский [4], осуществление права с точки зрения когнитивистской и некогнитивистской моделей правового суждения анализируется Н.В. Сатохиной [5] и др.

В то же время имеющиеся значительные разработки вопросов правореализации не исчерпывают всех проблем данной темы. В частности, недостаточно определенным является правореализационный механизм.

Поэтому целью статьи является уточнение понятия механизма правореализации посредством установления его составных частей.

Обозначим вначале суть самого процесса правореализации. С точки зрения Ю.С. Решетова, сущностью правореализации является воплощение в жизнь социальной воли, выраженной в виде обязательных государственно-властных велений. Такое понимание сути правореализации неразрывно связано с социальным предназначением права – быть регулятором общественных отношений. Вне реализации право не сможет урегулировать общественные отношения [3, с. 24].

Признавая значимость самой постановки проблемы механизма правореализации Ю.С. Решетовым, следует отметить опасение того, что при таком подходе механизм правореализации сводится, по сути, лишь к правомерному поведению, а правовые явления общедозволительного характера (например, правовое поведение, опосредованное злоупотреблением субъективным правом), а также те, что касаются «серой зоны» общественных отношений, останутся вне его.

Более плодотворным представляется подход, при котором юридический механизм правореализации складывается из полного набора своеобразных рычагов, закономерно участвующих в приведении реализуемой нормы в каждом конкретном случае в работающее состояние, в воплощении всего ее содержания в регулируемые общественные отношения, в достижении намеченного законодателем результата. С некоторой условностью эти рычаги могут быть объединены в несколько взаимосвязанных блоков, олицетворяющих общую схему (модель) правореализации, образующих ее собственный механизм и способствующих нормальному осуществлению права, а именно: блок, опосредующий начало правореализации, блок обеспечительного правоотношения, блок диспозиционного правоотношения и блок индивидуально-правового регулирования, подключаемый по мере необходимости к предыдущим блокам правореализации [6, с. 275].

В сравнении с механизмом правового регулирования, включающим, как известно, по одной версии, правовые нормы, юридические факты, правовые отношения, по другой (более предпочтительной), правовые нормы, субъективные права и юридические обязанности, акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, а также как факультативный элемент акты применения права – правореализационный механизм представляется более широким понятием. В него в качестве первого блока входят организационно-правовые средства (рычаги юридического воздействия), отражающие организацию и осуществление нормотворческой деятельности и предопределяющие начало правореализации и тем самым возможность юридической практики. Речь, таким образом, идёт о правовом обеспечении в узком (собственном) смысле этого понятия как о создании условий будущей реализации права.

Блок обеспечительного правоотношения связан с введением в действие правовых норм, их толкованием, пропагандой, формированием правосознания субъектов и т. д. и может быть обозначен как правовое воздействие иными, не организационными и не специальными юридическими средствами.

Блоки диспозиционного правоотношения и индивидуально-правового регулирования предполагают непосредственное правовое воздействие на поведение субъектов через специальные правовые средства: нормы, установленные диспозициями правовых норм и возникающие у субъектов практики субъективные права и юридические обязанности, поведенческие акты по их осуществлению, акты применения права, удостоверяющие в необходимых случаях правомерность (неправомерность) этого осуществления, и т.п.

Субъекты практики реализуют право, соблюдая, исполняя, используя и применяя его в процессе юридической деятельности, которой в правореализационном механизме отведена особая роль, связанная с многообразием её функций. Если говорить утилитарно, то главным образом она представляется либо как собственно правореализующая деятельность, либо как деятельность-реакция правового сообщества на правореализацию.

В этой связи необходимо упомянуть психологическую теорию Л.И. Петражицкого и сделать акцент на саморегуляции как при осуществлении правореализации (мотивация соответствия общественным либо групповым запросам при нормотворчестве, соответствия норме при правоприменении, соответствия духу правовой системы при осуществлении субъективных прав), так и при реакции на правореализационную практику (мотивация мирной демократической дискуссии, соответствующей нормам или духу правовой системы, использования судебной системы для оспаривания и восстановления прав) [7, с. 27].

Так, в литературе обосновываются конкретные правомерные проявления субъектов юридической практики, например, осуществление юридической свободы. В частности, можно отметить своеобразные общественные отношения, при властном регулировании которых необходимо указать не столько на вид и на меру дозволенного поведения, сколько на тот особый участок социальной действительности, где возможные варианты волеизъявления и их границы в основном избираются самими их участниками. С такого рода отношениями связаны, в частности, свобода научного, технического и художественного творчества, свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и т. д. При этом понятие «юридическая свобода» приобретает специфическое правовое значение, олицетворяя гарантированный государством простор для выбора личностью наиболее привлекательных вариантов и меры волеизъявления на тех участках социальной жизни, которые лишь обозначены в правовых нормах [6, с. 282].

В основе непосредственной правореализации лежит понимание людьми права, морали, укоренившихся в обществе обычаев и преимуществ права перед другими способами упорядочения отношений (что не всегда может быть верно, чему служит примером существование «серых зон» общественных отношений), например, правосознанием и отчасти правовой культурой.

В данной связи необходимо отметить весьма распространённые в современной философии права нонкогнитивистские модели правовых суждений, в соответствии с которыми обосновывается непознаваемость правосознания, правовых оценок и ценностей, что предопределяет их релятивизм и возможную субъективность. С этой точки зрения заслуживает внимания категория правопонимания, сопряжённого с юридической герменевтикой [5, с. 457].

Большая часть правовой деятельности начинается с саморегуляции. Особый интерес здесь представляют случаи «сбоев в системе», когда субъект регулятивных правоотношений не исполняет своей обязанности либо исполняет ее ненадлежащим образом или когда управомоченное лицо не может без обращения в компетентный орган воспользоваться предоставленным ему законом благом. При этом опять-таки имеет значение, произошёл «сбой» по субъективно-волевой причине или же в силу комбинации обстоятельств, обуславливающих объективную невозможность соответствия норме либо духу права, всей правовой системе.

Дух правовой системы, характеризующий юридическую практику, во многом определяется Основным Законом государства. В данном смысле закрепление в Конституции ее «прямого действия» является закономерным и соответствующим историческому развитию постсоциалистических обществ. Провозглашение прямого действия нашей Конституции явилось достаточно необычным (особенно для правоприменителей), так как в предыдущих конституциях оно не закреплялось. Подобные формулировки в основном отсутствуют и в известных конституциях зарубежных государств.

Другие свойства конституции как особого нормативно-правового акта (ее верховенство, высшая юридическая сила, стабильность и т. п.) давно известны отечественной юридической науке. Что же касается «прямого действия», то это свойство конституции оставалось невостребованным либо по умолчанию, либо вследствие открытого утверждения об отсутствии у конституционных положений нормативно-регулятивных свойств.

В результате все прежние конституции (с их известными достоинствами и недостатками) рассматривались как «рамочный» документ, «акт-скелет», который для придания ему жизненной силы необходимо было наполнить, обогатить нормативным содержанием в соответствующих законах и подзаконных актах. И до тех пор, пока этого не происходило, та или иная статья конституции оставалась декларативной и не имела никаких шансов быть реализованной, ибо отсутствовал как установленный в законе процедурно-правовой или процессуально-правовой механизм ее реализации, так и сама её материально-правовая возможность.

Поэтому непосредственного регулирования общественных отношений со стороны конституции в принципе не предполагалось, она рассматривалась в качестве базы для развития текущего законодательства и могла воплощаться в жизнь лишь опосредованно, с помощью правоприменительных органов, оказывая информационно-идеологическое воздействие на общественное сознание и развитие.

Механизму правореализации присущи отличительные черты, связанные не только с формальной определенностью его составных частей, но и с обеспечением правореализации государственным принуждением. Правовое требование без поддержки государства может остаться благим пожеланием, а правореализационный процесс будет отмечен невостребованностью в лучшем случае или прямым нарушением – в худшем.

В то же время некие правовые требования должны быть предъявлены и к субъектам государственно-властных полномочий с целью недопущения дисбаланса в общественных отношениях и сведения правовой системы лишь к обеспечению должного функционирования системы политической

Таким образом, в состав механизма правореализации целесообразно включить и непосредственное регулирование общественных отношений, и правовое воздействие на поведение, когда право не реализуется само по себе, но влияет на него через правосознание субъектов. При этом общим для всех видов отношений будет саморегулятивный аспект, предшествующий непосредственному упорядочению отношений и предстающий в виде определённых ожиданий результата, ответственности индивидуального либо группового субъекта, общей направленности его деятельности, которую можно оценить как согласуемую с правом.

С этой точки зрения продолжение исследования механизма правореализации предполагает более четкую характеристику юридической практики и определение направлений её совершенствования, поскольку реализация права является формой осуществления данной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Оніщенко Н.М. Моральні засади реалізації законодавства / Н.М. Оніщенко // Правова держава. – 1997. – Вип. 7. – С. 115-120.
3. Решетов Ю.С. Правореализация и правовые отношения / Ю.С. Решетов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2014. – № 4 (81). – С.24-31.
4. Пацурківський Ю.П. Реалізація права: поняття, зміст та співвідношення з суміжними категоріями / Ю.П. Пацурківський // Науковий вісник Чернівецького університету. Правознавство. – 2012. – Вип. 636. – С. 59-64.
5. Сатохина Н. Когнитивизм и некогнитивизм в осуществлении права / Н. Сатохина // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників восьмого Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 7-8 грудня 2012 р). – Львів: Галицький друкар, 2013. – С. 453-461.
6. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2010. – 608 с.

REFERENCES

1. Alekseev, S.S. (1999), *Pravo: azbuka-teoriya-filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: alphabet-theory-philosophy: experience of comprehensive research], Statut, Moscow, Russia.
2. Onishchenko, N.M. (1997), “Moral foundations of legislation enforcement”, *Pravova derzhava*, iss. 7, pp. 115-120.
3. Reshetov, Yu.S. (2014), “Enforcement of the right and legal relations”, *Vestnik Volzhsk university of the name of V.N. Tatischev*, no. 4 (81), pp.24-31.
4. Patsurkivskiy, Yu.P. (2012), “Enforcement of the right: notion, essence and correlation with similar categories”, *Naukovyi visnyk Tchernivtsk university. Pravoznavstvo*, iss. 636, pp. 59-64.
5. Satokhina, N. (2013), “Cognitivism and non-cognitivism in exercise of right”, *Antropolohiya prava: filosofskiy ta yurydychniy vymiri (stan, problemy, perspektyvy): statyi uchastnykiv vosmoho Mizhnarodnoho «kruhloho stolu»* [Anthropology of law: philosophical and juridical measurements (state, problems, perspectives)] articles of participators of the 8th International “round table”, Lviv, December 7-8, 2012, pp. 453-461.

6. Fatkullin, F.N. (1987), *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of theory of state and law], Izd-vo Kazan university, Kazan, Russia.
7. Petrazhitskiy, L.I. (2010), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [Theory of state and law in the connection with ethical theory], Lan, Saint Petersburg, Russia.